

Вонь онучей: последний шанс русской культуры

В мае 1986 года в журнале «Наш современник» появился небольшой рассказ Виктора Астафьева «Ловля пескарей в Грузии». Тогда Астафьев переживал не лучшие времена. Культура, которой он молился всю жизнь, никого не спасла. Неказистая реальность позднего СССР, крах надежд, агрессия, захлестнувшая общество, – всё это мучило. Рассказ про пескарей написан, что называется, на нерве. Контраст между красотой и ничтожеством человека был реализован на грузинском материале.

Тут же разразился скандал. Писатели Грузии накатали в Союз писателей СССР настоящий донос на Астафьева, где сибирского самородка обвинили в клевете на «гордых грузин». Некто К. Буачидзе с пафосом писал: «Вы своим рассказом о Грузии наступили прямо на сердце наше, и мы почувствовали его боль». Боль Буачидзе была особенно

остра на фоне набравшей обороты идеи о «русском сапоге», поправшем свободу народов.

«Свободные грузины» были готовы повышать ставки. Астафьеву стали звонить с угрозами: «Абреки из Грузии звонят в час ночи. Марья моя назвала одного мудаком. Он ей ответил: “Сама мудачка!” – во уж!» Дабы утишить страсти, писатель Гавриил Троепольский («Белый Бим, Черное ухо») от имени «русских литераторов» прилюдно покаялся перед оскорбленным Буачидзе. Скандал вроде бы пошел на спад. Но не тут-то было. Именно в этот момент, в августе 1986 года, московский историк Натан Эйдельман написал Астафьеву письмо, в котором прямо обвинил его в расизме.

Письмо было длинным и напоминало современный «Фейсбук» – нескрываемое высокомерие сочилось из каждой фразы. Финал письма четко формулировал то, что вскоре зазвучит из всех либеральных утюгов: «Закон, завещанный величайшими мастерами, состоит в том, чтобы, размышляя о плохом, прежде всего... винить себя; помнить, что нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри. Что касается всех народных несчастий, то чем страшнее и сильнее они, тем в большей степени их первоисточники находятся внутри, а не снаружи».

Астафьев каяться не стал и ответил коротко, но емко: «У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем прийти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы... В своих шовинистических устремлениях мы можем прийти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и – жутко подумать! – всякого рода редакции, театры, кино тоже “приберем к рукам”... Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти и мы всё еще народ Большой, и нас всё еще мало убить, но надо и повалить».

Эйдельман тут же сдал назад, отделавшись мелкими оскорблениями. На этом история не кончилась. Переписка попала в самиздат – спасибо Эйдельману! – и бурно обсуждалась. А в 1990 году рижский журнал «Даугава» без согласования с авторами опубликовал все три письма в рубрике «Нацизм в России», сопроводив публикацию статьей Юрия Карабчиевского «Борьба с евреем». С тех пор «нацизм» и «антисемитизм» стали ключевыми маркерами писателей-деревенщиков в глазах либеральной интеллигенции.

А между тем деревенская проза представляет собой одно из самых сильных и глубоких явлений русской культуры последнего столетия.

Люди колхозной деревни

Вопрос о положении русского народа и его месте в процессе развития государства стоял перед российскими властями с начала XIX века. Именно тогда моральный и экономический статус крепостничества как политического инструмента власти был поставлен под сомнение. Около ста лет ушло на то, чтобы через освобождение крестьянства без земли прийти к знаменитой столыпинской реформе, которая, будь она доведена до конца и не погублена Первой мировой войной и революцией, могла бы превратить Россию в наиболее преуспевающую страну Европы.

Крестьянское сословие к началу XX века в царской России составляло около 82% населения, то есть около 131 миллионов человек. 86 миллионов из них проживало в пятидесяти губерниях европейской части страны, имея в среднем всего 2,8 десятины (около 3 га) обрабатываемой земли на душу мужского населения. При этом систе-

ма обработки земли была настолько устаревшей (трехполье, чересполосица), что урожайность зерновых была одной из самых низких в мире – 7,4 ц/га (для сравнения: в 2022 году урожайность зерновых в России составила 34 ц/га). Хотя на мировом рынке Россия обеспечивала до 28% всего мирового экспорта зерновых, никто не обольщался – крестьянство и деревня были в кризисе. Мешала, прежде всего, общинная собственность на землю, не отмененная реформой 1861 года.

Аграрная реформа опиралась на ключевую идею Петра Столыпина о том, что Россия снимет множество внутренних проблем, если даст возможность крестьянскому сословию развиваться свободно и эффективно. Главной задачей государства Столыпин как раз и полагал помощь крестьянству в этом свободном развитии. Его аграрная реформа включала в себя не только полноценную частную собственность крестьян на землю, отмену всех сословных препятствий для крестьянской работы на земле, но и активное государственное кредитование, поощрение приобретения земельных наделов, переселение на плодородные земли Алтая и Сибири, а кроме того – стимулирование кооперативов и крестьянских товариществ. Настаивая на том, что государство должно взять на себя оплату части процентов за выкупленную крестьянами землю, Столыпин говорил: «Нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать всё государство, всё части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его

части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который не раз применялся в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты».

Однако реформа Столыпина встречала множество препятствий со стороны как левого, так и правого лагеря. Сам народ в русском культурном контексте со времен декабристов понимался как масса крестьянского населения, которому оказывает свое попечение дворянский нобилитет и богоданная власть монарха. Народ любили или презирали, изучали, пытались проникнуть в его загадочную душу, за его счастье боролись. Так или иначе, но народ был объектом для манипуляций со стороны крошечной прослойки образованного сословия. От узаконенного историей и культурой права на эти сомнительные манипуляции отказаться было нелегко. Но именно этот навязчивый и контрпродуктивный патернализм была призвана разрушить реформа Столыпина. «Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении, – писал о реформе публицист Иван Ильин. – Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: всё было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено... К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землей на праве частной собственности; а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906–1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году».

Революция вроде бы тоже была про это – власть рабочих и крестьян обещала превратить народ из опекаемого старшими бесправного несмысленыша во взрослого человека.

Именно этого и ждали крестьяне от большевиков, но именно этого и не произошло. «Революционные партии позвали к „черному переделу“, – писал Ильин, – осуществление которого было сущим безумием: ибо только „тело земли“ переходило к захватчикам, а „право на землю“ становилось спорным, шатким, непрочным; оно обеспечивалось лишь обманно – будущими экспроприаторами, коммунистами».

Для крестьянства в новой политической конфигурации не изменилось ничего. Более того, всё стало гораздо хуже. Сословные разграничения в стране полного равенства, очевидно, никуда не делись. А объявленное носителем буржуазной идеологии советское крестьянство пережило катастрофу раскулачивания и пытку коллективизацией, что в прямом смысле вывело огромный крестьянский мир из поля идеологической легитимности. Крестьянство оказалось буквально распято между сусальным образом принятого в советской культуре способом говорения о деревне и подлинной реальностью деревенской жизни, о трагедии которой говорить было строго запрещено. «Стиль советской деревни выстраивался из стилизованных под фольклор песен, исполняемых хором имени Пятницкого и Людмилой Зыкиной, – пишет современный российский фольклорист Светлана Адоньева (ст. «Шукшин документальный: техники тела и жизненные миры», 2017). – Но для советских людей, которые жили в деревне, нормативный образ деревни был как костюм с чужого плеча».

Именно в этот парадоксальный зазор между официозом и реальностью в конце 50-х годов прошлого века и ворвались те, кого потом презрительно назовут «деревенщиками».

Их история началась со статьи Федора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», опубликованной в «Новом мире» в апреле 1954 года. Речь шла о том, что

советские писатели «соревнуются между собой, кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию». «А ведь настоящая русская деревня, – напоминал Абрамов, – по-прежнему бьется на грани вымирания». Статья вызвала бешеный скандал. «Я трижды лауреат Сталинской премии! Я покажу этому Абрамову! Кто он такой?!» – орал Семён Бабаевский, на чей роман «Кавалер золотой звезды» замахнулся Абрамов. Последовали партийные «пропесочивания» и возмущенная критика братьев-писателей. Между тем номера «Нового мира» со статьей Абрамова в библиотеках зачитывали до дыр. Правда автора была очевидна – создав «страну рабочих и крестьян», власти превратили последних в рабов города и социализма.

XX съезд КПСС должен был бы говорить именно об этом, но... «Программа строительства громадная. Но как будет жить народ? – писал Абрамов в дневнике. – Доход колхозников к 60-му году вырастет на 40%. Каких колхозников, по отношению к чему? В Верколе получали на трудодень 200 гр. Неужели в 60-м получают 280?»

Молчать стало невтерпеж

Пока коллеги песочили Абрамова, в устоявшейся культурной иерархии происходило нечто странное. С разных концов огромной страны (Алтай, Красноярский край, Архангельская область, Вологодчина) люди разной, но всегда трудной судьбы стали говорить об одном и том же – о трагедии русского народа. «Писателем я стал... по необходимости, – объяснял позже Василий Белов, – слишком накопело на сердце, молчать стало невтерпеж, горечь душила».

Стиль этого разговора оказался неожиданно высоким. Один за другим появлялись шедевры: «Братья и сестры»

Федора Абрамова (1958), «Привычное дело» Василия Белова (1966), «Сельские жители» Василия Шукшина (1963). Бывшие сцепщики вагонов (Астафьев) и слесари (Белов, Шукшин), только недавно вернувшиеся с фронтов, крещенные медалями и тяжелыми ранениями, стремительно оканчивали университеты, осваивали высокую культурную традицию, восходя к вершинам интеллектуальной элиты страны. Деревенское происхождение, которым потом их будут клеймить всю жизнь, не мешало им защищать диссертации и возглавлять кафедры. Произведения деревенщиков оказались настолько литературно совершенны, что, несмотря на их абсолютную революционность с точки зрения советского канона, они решительно обходили цензурные преграды и прорывались к читателю. В результате была создана по-настоящему великая литература, отличавшаяся уникальным своеобразием и глубиной.

– Это были лучшие русские писатели второй половины XX века, вернувшие литературе национальные начала и прежде всего язык, – говорит поэт, эссеист, создатель поэтической группы и альманаха «Твердый ЗнакЪ» Андрей Полонский. – Возможно, они – вместе с латиноамериканцами – были вообще лучшими писателями того периода в мире. В известной степени убогая культурная политика позднего СССР, пуще любого Голливуда боящаяся именно русской партии, привела к тому, что эти книги не прозвучали так, как могли бы. В остальном же «Кануны» Василия Белова, «Царь-рыба» Виктора Астафьева, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, «Наш маленький Париж» Виктора Лихоносова, «Фармазон» Владимира Личутина да и многие еще тексты не только достойно продолжили русскую литературу XIX века, но и создали новые образы, новую художественную реальность и главное – язык. Самое существенное, что деревенщики – это вовсе не о деревне. Это большие и сложные книги, где «отразил-

ся век и современный человек изображен довольно верно», как говаривал Пушкин.

Потом критики будут говорить о том, что деревенщики собрали лучшее, что было в советской литературе. Но дело в том, что если оттепельные писатели-горожане яростно боролись с совлитом и его ущербным соцреализмом, то деревенщики всего этого как будто не заметили. Они, возможно, впервые в послевоенной русскоязычной литературе сформулировали совершенно новое понятие творческой и, бери выше, человеческой свободы. Их свобода основывалась не на «правах», на которых так настаивали оттепельные авторы, «догонявшие» постмодернистские эксперименты Европы, а на ответственности перед страной и внутреннем чувстве божественной гармонии мироздания, где любовь, совесть и долг – суть главные условия точности художественного образа.

Василий Аксёнов, знаменитый представитель городской «исповедальной» прозы 1970-х годов горько жаловался на то, что деревенщики «мешали» им писать. И они действительно мешали. Современный критик Вячеслав Савватеев писал, что мешали они «всеми этими скучными, надоевшими героями, темами и проблемами, с их «несовременным» языком. Мешал Ф. Абрамов с его романом «Пряслины», с его «главным мужиком» Мишкой Пряслиным и «примитивной» народностью. Конечно же, мешал М. Алексеев своим романом «Вишневый омут» – ведь в книге нет заморских «апельсинов из Марокко», прекрасных английских кораблей, картонных мальчиков и девочек, а всё какие-то мужики да бабы со своими «вечными» проблемами и мировыми вопросами, а главное – только труд и работа, работа... Скучно всё это, нет праздника жизни. Мешала «катаевским мальчикам», разумеется, прекрасная лирическая проза В. Солоухина с его чистым, как слеза, русским языком, русскими женщинами, наконец, с христи-

анскими мотивами добра и справедливости, таким ясным и простым патриотизмом и гуманизмом послевоенных лет. Всё это было так далеко от сладких сказочек в западном стиле в духе «Бригантина поднимает паруса»...

Свидетели России

Гражданственная горечь деревенщиков привела к тому, что в центре внимания оказался не сусальный «кавалер золотой звезды», а настоящий живой человек земли. Его портрет деревенщико рисовали с любовью и дотошной, документальной точностью. Как и Пушкин, они призывали «милость к павшим», к тому народу, про который пела Зыкина и который, вынеся на плечах войну, так и остался на голодном пайке трудодней.

– Поиск корневого начала привел к поискам русского, а они – к разговору о человеке на своей земле, – говорит прозаик Даниэль Орлов. – Русскую деревенскую прозу создавали писатели, той деревней вскормленные. Такими были Распутин, Белов, Крупин, Абрамов, Носов, Залыгин, Личутин. Все они были свидетелями великой крестьянской России, переживали за исход жителей в города, опустевшие дома и зарастающие поля. Они видели, как возникают глубокие трещины внутри русского крестьянского сознания. Это и тяготило, и вдохновляло на литературное сопротивление. Требовалось метафизически поддерживать тепло в домах, палить свет, чтобы совсем не пропало то, что питает русскую душу. Почти у всех отцы погибли на фронте, и символ Родины-Матери у них был абсолютно персонифицирован.

Вдруг оказалось, что история России, которая в советском дискурсе отсчитывалась с 1917 года, началась гораздо раньше. Народ не перековался и вообще никуда не делся.

Этот народ помнил прошлое и требовал, чтобы рваные края раны революции были сшиты не столько за счет внимания к традиции, сколько за счет радикального пересмотра самой формы взаимодействия государства и народа.

– Народ для деревенщиков – это главный герой русской истории, – говорит прозаик и главный редактор литературно интернет-журнала «Молоко» Лидия Сычёва. – И это действительно так. У дома-государства всегда есть три части: стены, то есть сама конструкция власти; крыша, то, что дает смыслы и исторические цели, обеспеченные интеллигенцией; и фундамент – собственно народ, то, на чем стоит всё. Если в фундаменте появляются трещины, а народ денационализирован, крушение власти неизбежно. И деревенщики это увидели. После войны у них было предчувствие мировой тенденции к денационализации, к перемалыванию наций в некую биомассу, чтобы лепить из нее нечто другое, не народ. Тогда здание государственности будет строиться по-иному, без участия фундамента.

Эффект от появления в культуре стихийной народности оказался равен взрыву. В книге «Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе» британский историк Джеффри Хоскинг вспоминал о потрясении, которое в конце 60-х годов прошлого века произвело на него чтение повести В. Белова «Привычное дело»: «В ней рассказывалось о колхозе где-то на Русском Севере и о жизни колхозника, который любил семью, жену, детей и землю, но был доведен до крайности отношением местных начальников настолько, что решил бросить деревню и начать новую жизнь в городе. Книга показала мне, что можно было быть русским и в то же время быть “несоветским”. В романе раскрывалась русская культура, порожденная не церковью и не интеллектуалами-антимарксистами, а простыми русскими людьми, крестьянами, которые так долго молчали».

В отличие от умного британца советская городская культура встретила деревенщиков с тем же изумлением, но без восторга.

Неприкаянные русские

Одновременно с деревенщиками в советскую культуру, тоже не без скандала, ворвались городские «оттепельные» диссиденты. Но если первые приходили в литературу буквально от сохи и с жадностью неопитов впитывали жар мировой культуры, то вторые открывали двери культуры пинком ноги, считая себя ее полноправными хозяевами. Если городская интеллигенция сосредоточилась на своей во многом личной трагедии 1937 года, то деревенщики стали глашатаями «стона народного», куда более массовой трагедии коллективизации и войны, вынесенных на народных плечах. Пафос деревенщиков, их внимание к духу народа, экологии и фольклору, в сущности, имел в виду бережное отношение к собственной стране. Городской интеллигенции, как и советским функционерам, ломать страну об колено, подстраиваясь под не свойственные ей модели, было куда проще.

Конфликт возник почти сразу.

– Русская городская цивилизация где-то с 50-х годов стала европоцентричной, – говорит Даниэль Орлов. – Русское общество только «догоняло и перегоняло». Традиционализм деревенщиков раздражал коллег-писателей и критиков, бывших частью иной цивилизации. Любое упоминание о корнях становилось ересью. Любое упоминание русского могло стать поводом для обвинения в национализме, а там и до фашизма недалеко. Этим словом тогда и полюбили ругаться в приличном обществе. Социум городской ИТР-интеллигенции сплошь состоял из сочувствующих либеральной

западной идее. И не важно, что у половины в кармане был членский билет КПСС. Так ещё и лучше. У индоктринированного диссидентскими идеями общества не оказалось бóльших врагов, чем почвенники. Началась открытая война городской и деревенской цивилизации...

Стороны находились далеко не в равном положении. Городская интеллигенция имела куда больший доступ к издательским возможностям, нежели провинциалы с окраин. «Любой “деревенщик”, – писал Астафьев в книге “Дорога домой”, – порывшись в столе, найдет вам десятки отповедей критиков, где в закрытых рецензиях, давая “отлуп” тому или иному, ныне широко известному произведению, глумливо, с интеллектуальным сарказмом писалось, что в “век НТР и этакая вонь онучей”, “да куда же вы идете-то и насколько же отстали от жизни и передовых идей?”».

В итоге деревенщики оказались совершенно неприкаяны. Существовая в русской культуре более семидесяти лет, они всегда садились между всех стульев, не соответствуя ни советской идеологии, ни оппозиционной культуре диссидентства, ни вкусам советского обывателя. С первыми их разводил марксистский «интернационализм», вторые презирали их за пресловутую «вонь онучей», а для обывателя они были слишком высоколобы. Но самыми жестокими даже не оппонентами, а именно врагами деревенщиков стали столичные интеллектуалы.

– Городская интеллигенция, – говорит Андрей Полонский, – всегда воспринимала крестьянское и христианское начало как нечто консервативное, тормоз на пути слияния с Западом, всё равно, в капиталистической или марксистской упаковке этого Запада. Но реактивность деревенщиков была лишь реакцией на беспрецедентное насилие, которое учинили большевики над самим строем русской сельской жизни, на второе закрепощение крестьян и дальнейший волюнтаризм политики «партии и правительства».

Отъявленные ретрограды

Гимн традиции, впервые спетый деревенщиками, был не только про корни и землю, но и про исторический путь русской государственности. Первым и главным столкновением деревенщиков с городской культурой прошло по линии консерватизм – либерализм. Они не только не стеснялись своего консерватизма, но и видели в нем спасение России от грядущего «заката Европы».

«– Куда ни ступи – везде одни революции. В Иране – социальная, в Швеции – сексуальная. В Италии... Мальчишки из красных бригад требуют миллионные выкупы за похищенных. Тоже ведь революционеры, черт побери! Нет, я не революционер.

– Кто же ты? Либерал?

– Я консерватор. Отъявленный ретроград. И, представь себе, даже немножко этим горжусь». (Василий Белов «Всё впереди»)

Конфликт между условными «детьми Арбата» из «Нового мира» и условными консерваторами «Молодой гвардии», а позже «Нашего современника» развивался нервно. С той стороны в адрес деревенщиков летели снобистские оскорбления людей, гарантированно стоящих на позициях «прогресса» и «цивилизации». Деревенщики отвечали гордым отказом плестись в хвосте западной интеллектуальной повестки.

В процессе этого нервического диалога деревенщики сумели сформулировать основные проблемные зоны русской политики. Революция-эволюция, индивидуализм-народность, западоориентированный идеал – опора на российскую традицию и цивилизационный опыт – эти оппозиции родились в 1960-е годы благодаря именно деревенщикам. Понятно, что в каждом случае они настаивали на второй части концептуальной пары. Круг же их город-

ских оппонентов был связан с западом эстетически и этически. Для них очевидный литературный успех деревенщиков стал ударом ниже пояса. Деревенщики обрушивали стройное здание концепции «догнать и перегнать», а заодно и разрушали надежды на потенциальную интеграцию в мир западной культуры.

Эта самая интеграция в Запад была тайным солнцем городской фронды. В идеале интеграция подразумевала прямую эмиграцию, что делало диссидентов готовыми на открытое «противостояние режиму». Для деревенщиков это был не вариант. Путь на запад был закрыт для них не железным занавесом, а личным гражданским выбором. Их собственное будущее и будущее их героев было, по определению, связано только с Россией. Если городская культура проявляла вызывающее бесстрашие и независимость от Родины, то деревенщики демонстрировали не менее вызывающую ответственность за нее. Благодаря им у исконных советских понятий «левизны» и западничества, которые до сих пор всегда одерживали победы, вдруг впервые появился правый полюс. Война между правым и левым стала войной за будущее России.

– Соппротивление деревенщиков, – говорит Полонский, – было соппротивлением «русской партии» – хозяев страны. Русские люди, знающие свое происхождение, противостояли людям без роду-племени, пытающимся скорее позабыть истоки и корни. Это было соппротивление недоразгромленного русского сословия, ведущего арьергардные бои в советской действительности. Сама программа деревенщиков, построенная на уважении к земле и народу, была революционной для той поры...

Если внимательно перечитать прекрасный роман Василия Белова «Кануны» (1972–87), станет очевидно, что главная боль автора вовсе не в пресловутом «возвращении к корням» и сусальном умилении перед лицом кре-

стьянского быта. Речь в романе идет о том, как обычная вологодская деревня 20-х годов была готова превратиться в место торжества свободного труда и как власть своей рукой уничтожила эту готовность, превратив свободных и талантливых крестьян в рабов. Роман «Кануны» («хроника конца 20-х годов») – это первая часть эпопеи под общим названием «Час шестый». Вторую часть эпопеи – роман «Год великого перелома» – Белов сопровождает эпиграфом из Фридриха Энгельса: «Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом...», «...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

Эти слова Энгельса, собственно, и составляют краткий пересказ великой трилогии Василия Белова: Голгофа русского крестьянства в эпоху кровавой модернизации страны, которая проводилась вполне по классикам марксизма – через уничтожение «реакционного народа».

Отсюда и главный призыв деревенщиков не умиляться деревенским прелестям, а остановить кровавую модернизацию СССР, вернуть право народу на свободу. Этот призыв, будь он услышан во времена Хрущева и Брежнева, мог дать стране второе дыхание и стать началом принципиально нового пути, который примерно в то же время избрал Китай. Отчасти эта карта и была разыграна. К началу 80-х годов XX века тезис о развитии сельского хозяйства и экологическая проблематика стали едва ли не главной заботой партии. Именно деревенщикам мы благодарны за остановку бредового плана поворота сибирских рек. Именно они боролись за спасение Байкала, против беспощадного

уничтожения лесов и прочих природных богатств страны. Спустя почти половину столетия уже хорошо видно, что идеи деревенщиков действительно были куда более прогрессивными, нежели вторичные концепты их идеологических противников. Но тогда, в середине 1970-х годов, власть избрала уже привычный путь закручивания гаек и продолжала догонять поезд западной цивилизации. Этот путь закончился катастрофой, которая длится и сейчас.

Представители преступного режима

И всё же в 80-е годы прошлого века на долю деревенщиков выпала и слава. Тот же Белов в 1981 году получил Государственную премию, Валентин Распутин в 1987-м награжден орденом Ленина. Они, однако, не обольщались. Эту славу обеспечивала крайне узкая прослойка интеллигенции, которая в своих поисках опиралась на опыт русской культуры. Таких в послевоенном СССР было немного. А в 90-х стало еще меньше. С начала горбачевской эпохи Распутин, Астафьев и другие гении русской прозы мгновенно превратились в представителей «преступного режима» и «давно уже не влияющих на интеллектуальную жизнь России». Деревенщички попробовали выйти из литературы в политику. Но, как потом говорил Распутин, этот «крестовый поход во власть» оказался совершенно бессмысленным.

– Русская партия проиграла в 88–91 годах на серии реально свободных, но вряд ли честных выборов переходной эпохи, – говорит Андрей Полонский. – Против талантливых, подчас гениальных, но прекраснодушных литераторов была брошена вся мощь манипуляционных наработок западных социологов. В большинстве значимых округов лидеры русской партии были прямо выставлены против

известных публике «западнических» деятелей. Мы тогда очень болезненно переживали это поражение. Но наши противники умело разыграли карту «Памяти» и антисемитизма, которого и в помине не было. В общем, «активные 10%» были использованы на все сто.

– Деревенщики со своим консерватизмом и не могли предотвратить катастрофу 90-х, – говорит современный писатель, продолжатель традиции деревенщиков Василий Аксенов. – Против них был весь мир. Не только городская интеллигенция. Весь Запад, весь прогресс. Уничтожение малых поселений, народа на земле – это был общемировой процесс. Невозможно было им справиться с такой задачей.

Зато с начала 2000-х деревенщиков, уже переживших свое «золотое» время, внезапно принялись бурно награждать, что в контексте всего предыдущего выглядело, скорее, как издевка. Только один Валентин Распутин получил три важнейших национальных награды – премию Президента РФ (2003), премию Правительства России (2010) и Государственную премию РФ (2012). Это вызвало некоторое оживление в антилиберальном лагере: «Неужели что-то существенно повернулось в сознании тех, от кого зависит выстраивание идеологии нашего государства? – писала правая печать. – Неужели духовными и нравственными приоритетами в современной России становятся традиционные ценности русского народа и выдающиеся соотечественники, их исповедующие?»

Но и на этот раз всё закончилось пшиком. Груз либеральной клеветы и ненависти на плечах деревенщиков становился лишь тяжелее. «Не припомню ни в одной литературе мира такой апологии дикости и варварства, к которой в конце концов скатилась деревенская проза, – писал Дмитрий Быков в 2012 году, – всё самое грубое, животное, наглое, грязное и озлобленное объявлялось корневым, а чистое было виновато одним тем, что оно чи-

сто». Русский фашизм, антисемиты, «балалаечники» – все эти плевки вкупе с вечными призывами покаяться давно стали привычны.

И всё же «русская линия» в нашей литературе никогда не прерывалась. Десятки талантливейших писателей продолжают дело деревенщиков и сейчас. Но если в СССР деревенщики еще могли открыто высказываться, то в новой, «свободной» России диалог между «русской» и «западной» партиями давно выведен за скобки культуры. Имен Василия Аксенова, Лидии Сычёвой, Михаила Тарковского, Натальи Ключарёвой и многих-многих других вы не увидите в шорт-листах литературных премий. Даже если кто-то из них сумел просочиться в лонги, ответ либеральной общественности будет жестким. Историк Андрей Тесля в рецензии на роман Василия Аксенова «Была бы дочь Анастасия», выдвинутый на премию «Национальный бестселлер» 2018 года, не церемонится: «Текст этот хорошо смотрелся бы в качестве пародии или стеба на “духовность” и прочие атрибуты “русской культуры”, сопутствующие псевдонародным ансамблям».

– «Не хотим жить в великой стране, хотим жить в нормальной» – это расхожее изречение словно ядовитая алхимическая субстанция с конца 80-х развратило многих, – говорит Орлов. – Замена огромного обычным, великолепного пристойным, страсти похотью сформировала имитацию литературы, отвадившую в последующие тридцать лет русского человека от книги. В книжной отрасли заправляет цивилизация городская, для которой русский крестьянский мир не просто чужд, но является объектом презрения, раздражения, а на самом деле страха: а вдруг отомстит?

В 1988 году Астафьев в «Зрячем посохе» назвал деревенскую прозу «последним вскриком той творческой индивидуальности, которая была заложена в нашем русском

народе». Этот крик длится до сих пор, но сейчас он больше напоминает стон.

– Как-то я зашла в книжный магазин «Москва», – рассказывает Лидия Сычёва, – прошла его насквозь, вышла на улицу и заплакала. На всех полках стояли только творения Дмитрия Быкова, Людмилы Улицкой, Дины Рубиной и прочее. То же самое в критике, в медиа, на всех книжных ярмарках и коммерческих площадках типа Литрес. Я называю это дизайнерской литературой. Она даже не либеральная. Либерал Тургенев, написавший «Записки охотника», совершенно по-другому относился к народу. А дизайнерская литература просто не имеет корней, в ней нет национального фундамента. Она чувствует свою чуждость русскому читателю и, чтобы не иметь конкурентов, стремится зачистить площадку.

Все образовательные и культурные инстанции настойчиво продвигают именно эту самую дизайнерскую литературу. В прошлом году на школьной олимпиаде наравне с произведениями Пушкина и Толстого предлагались к анализу и произведения Линор Горалик. Группа писателей обратилась в Министерство просвещения с требованием убрать произведения автора, открыто пропагандирующего ЛГБТ-повестку. Ответ был однозначен: Горалик является лауреатом многих литературных премий, министерство не считает нужным ограничивать интерес школьников к современной прозе.

– Все участники литературного процесса давно знают, что это так. Мы живем в этом уже тридцать лет, – говорит Сычёва. – На мой взгляд, это процесс сознательный и дирижируемый. Очевидно, что писатели национального направления пишут не хуже Быкова. Но со времен падения СССР Россия потеряла свою субъектность в области концептуальных конструкций. Нам в мире выделили роль сырьевого придатка. У нас же тридцать лет происходит сдержива-

ние промышленного развития. То же самое и в культуре. Литература всегда была стержнем русской культуры. Это наше главное достижение, имеющее всемирное звучание. Чтобы лишить нас этого богатства, и нужно было подменить литературу дизайнерским симулякром. Стержень русской культуры не сломлен, он просто убран. Вроде бы есть тиражи, премии, но никакой популярностью у народа всё это не пользуется. Шукшина, Распутина мы будем перечитывать всегда. Но можно ли представить, что мы будем перечитывать Быкова? Это невозможно!

Когда критик «Медузы» Галина Юзефович говорит о том, что либеральное сообщество «по природе агонально», принимает рынок и конкуренцию как данность, она не просто лукавит, а откровенно лжет публике. Никакого настоящего рынка в современной русской литературе не существует уже тридцать лет. Даже сейчас, когда телеграм-каналы заговорили о «русском ренессансе», культурный менеджмент делает всё, чтобы перебить возникшую из небытия национальную повестку. Роман «Лето в пионерском галстуке», рассказывающий о любви двух молодых юношей, в 2021 году был издан весьма скромным тиражом. Но в мае этого года тираж повторили в невероятных для нашего книгоиздания масштабах – двести тысяч экземпляров! При этом у русских поэтов-военков, получивших огромную известность благодаря тг-каналам, до сих пор не вышло ни одной книги.

– За это минутное прозрение, – говорит Сычёва, – за то, что появились какие-то новые русские имена, мы сейчас платим кровью. Нельзя переломить тренд последних тридцати лет за один год. Славянская культура в России еще есть, но она обескровлена. Ключ к будущему лежит в министерствах образования и просвещения. И пока там не будет проведена кардинальная революция, ничего не будет. Именно туда надо вводить войска.

– Я православный человек, я не могу позволить себе отчаяния, – говорит Аксёнов. – Но вы можете представить человека, который сейчас будет прислушиваться к деревенщикам? Нет, не будут. Городская интеллигенция решает всё. И за народ, и за культуру, и за страну. Увы, это так. Здесь, на Енисее, в 90-е годы исчезло больше ста деревень. Сейчас всё понемногу налаживается. Но пока каждый метр этой страны не начнет развиваться, ничего не будет. Я не знаю, как это произойдет. Но если этого не случится, мы просто погибнем.

Судя по ярости, которая сейчас обрушилась на Россию, именно в этой гибели и состоит цель ментальных манипуляций последних десятилетий. И всё же...

– Я знаю этот мир, я объездил его вдоль и поперек, – говорит Андрей Полонский. – И вот несколько лет назад на дороге из Пудожя в Каргополь, на берегу Лёкшмозера, мы как-то остановились на постоялом дворе, который держал местный «свободный крестьянин» и охотник с хорошим именем Федор Михайлович. Была страшная непогода, ночью ударили заморозки. Мы принесли дров, водочки, растопили печку. К ночи подсел и сам Федор Михайлович. Понаслышав, что мы писатели, да еще из столиц, спросил: «Ну, сколько вы знаете русских слов, связанных с лошадьё? Мы вчетвером насчитали слов двадцать пять. Он назвал за семьдесят. И как-то вскользь бросил: «Я последний образованный крестьянин в этих местах». У кого при этих словах не сжимается сердце – тот не русский вообще...

Пока мы будем помнить вот такие вечера у печки, мы останемся Россией.